

Константин Поляков.
(Прага).

МАТЕРИ КАЗАЧКЕ.

Кончаешь жизнь свою в святом углу
Пред старой, темною иконой,
Не покоряясь лжи и злу,
Кладешь ты мерные поклоны.

Глаза твои, бесцветные от слез,
Последний раз хотят увидеть сына
И бьет по сердцу старому вопрос:
Вернется? Иль навек покинул?

Я не забыл старуху мать свою
И песни те, что пела мне над зыбкой.
Наученный тобой, теперь тебе пою
То с болью грусти, то с улыбкой...

Я знаю, ты б отдала все,
Чтоб только видеть синь полков казачьих,
Всю мощь в руках детей, взведенное ружье
И лавы вольные в победном скачке.

Ну, потерли, взойдет свободы солнце, —
В историю мы впишем дивный сказ,
Рукою бледною откроешь ты оконце,
Увидишь синий стяг, алеющий лампас.
6-V-29 г.

Lak., (A.—Г. К.)
(Брно)

СЕДОМУ ДОНУ.

... Была, ведь, и в прошлом слава:
Храбрый атаман Разин,
Сам Ермак, подобный урагану,
И беспримерный Каледин...

Дон седой течет уж долги лета.
Много вод в моря он влил...
Слышал вопли-стоны „Деда“,
Видел, как станицы враг падал.

Было так в далеком прошлом,
Повторилось в наши дни...
Может стать и в дни грядущи,
Коль не будут вновь — былые Ермаки...

Коль не будут дети Дона,
Сами править над собой...
Коль не будет Круга снова,
Покуда враг чинит разбой...

Гей молодцы!
Бросьте-ж раздоры и мелкие споры,
Враг ведь силен и могуч...
Шашка да пика и острые пиоры —
Это — единый Ваш путь!

Санжа Балыков. (Прага).

Смерть.

Шавель Адучов, здоровый, пожилой калмык, в одном нижнем белье, но в сапогах и полинялом казачьем картузе, сидел в своей кибитке на ширдыке перед кроватью и обедал.

Перед ним, на низеньком, всего на четверть возвышавшемся от земли, столике были: большая чашка жирной вареной баранины, маленький ломоть хлеба и большая луковича.

Как старозаветный калмык, Адучов хлеба употреблял мало, зато мяса мог съесть много и когда угодно.

После получасового медленного жевания, сопровождаемого усиленным солением, чашка с мясом была опорожнена, лук исчез, остался нетронутым только хлеб.

Как только он кончил с мясом, жена поднесла ему почти такую же большую чашу холодного, пенистого, короньего кумысу. Шавель медленно, видимо с наслаждением после жирного мяса, стал тянуть кумыс.

Только два раза он перевел дух и выпил весь. Жена приняла чашки и, набрав в большую медную кружку воды, полила мужу на руки и подала ему грязноватый платок, висевший у нее на поясе.

Шавель, не спеша, вытер руки, вынул из голенища одного сапога кистет с трубкой и стал налаживать.

Из другого голенища вытащил кресало, выск обонь, закурил и, попыхивая дымом махорки, вышел отдохнуть в тени кибитки. Там, на разостланном белом ширдыке, сидела его дочь и что-то сосредоточенно вышивала.

— Или, дочка, обедать с матерью, да вынеси мне прежде подушку; я здесь полежу — лениво промолвил он, опускаясь возле дочки. Та молча поднялась, пошла и принесла отцу подушку.

Обремененный сытным обедом, Шавель с трудом скинул сапоги, с удовольствием растянулся в тени и скоро заснул.

Тревожимый степными мухами, часто во сне переворачивался.

Проснулся он часа через три, когда тень кибитки

ушла дальше и его стало припекать предвечернее солнце.

Поднявшись, лениво почесываясь, он нащупал на себе пониже левой лопатки нитку и в тот же миг почувствовал под рукой боль.

Шавель побледнел. В него воткнулась иголка и во время сна успела погрузиться вся.

— Ой... смерть пришла, иголка пойдет дальше, дойдет до сердца, — пронеслось в его голове.

— Старуха!.. заорал он благим матом.

— Посмотри, что у меня на спине, кажется иголка воткнулась, — проговорил он в испуге прибежавшей жене.

Да, иголка и есть; подождите я вытяну за нитку...

— Нет, нет! не трогай, не вытянешь, порвешь нитку, тогда вовсе не найдешь иглу; к доктору нужно ехать в Чапраны — закричал Шавель.

— Проклятая дочка бросает иглы на постели, погубила отца; грей скорей старуха воду, буду мыть голову, менять белье, да пусть дочка седлает коня, сейчас же поскачу к доктору, — заторопил он жену.

Через десяток минут помыл голову, сменив белье и, выпив для храбрости две три чашки раки, Шавель садился на коня.

— Нет, сперва нужно проститься с родными; может оттуда и не вернусь; если игла дойдет до сердца, могу умереть и среди пути. Ах, мои дети, бедная ты моя старуха! ах мои лошади, мой скот, мои овцы, что с нами будет — говорил он утирая слезы. Смотря на его отчаяние, заплакала и жена, всплакнули и дети. Шавель поехал прощаться с родными.

— Милые мои родные, дорогие мои, прощайте; смерть мне пришла; простите меня, коли в чем провинился — говорил он, входя к каждому.

Родственники трогательно прощались и угощали его ракой.

Через час, два, Шавель уже был настолько пьян, что не мог садиться на коня.

Пришлось его уложить спать.

Проснулся Шавель рано. Вспомнив про иглу, идущую к сердцу, и, сообразив, что еще куда не поехал, он в ужасе вскочил и торопливо стал одеваться.

Но голова, после вчерашнего, так трещала, что невольно пришлось опохмелиться парой чашек согретой раки.

Приказав оседлать коня, Шавель пошел забежать к родственникам, с которыми не успел проститься вчера. К обеду он вернулся опять пьяный, но ехать все же мог и стал собираться.

— Да вы полейте на голову холодной воды, освежитесь — сказала ему жена.

— Ладно, давай, — скомандовал Шавель, скидывая рубашку и подставляя голову.

Жена стала поливать.

Иголка уже совсем скрылась в теле, висела только нитка.

— Ты смотри, за нитку не дерни, порвешь — предупредил он.

В это время вбежал в кибитку его семилетний сын и, неожиданно дернув за нитку, вытащил иглолку.

Шавель испуганно крикнул, выругал мальчика и, как будто огорченно, замолчал.

Ехать к доктору стало незачем; смерть миновала. 1927 г.

П. Крюков.
(Франция).

КАЗАЧИЙ СПОЛОХ.

Не буря гудит над Доном;
Не ветер шумит в камышах,
Тревожный сполох перезвоном
Рыдает в казачьих сердцах.
С привольной степи долетая
За тридевять чуждых земель,
Зовет казаков он, рыдая,
Припомнить забытую цель...
Не звон колокольный тревогу
Забил по казачьим сердцам,
То совесть — забытому Богу
Зовет вновь возжечь фимиам.
Казачья воскресшая совесть,
Зовет вспомнить старую цель,
Ту цель, про которую повесть
Шептала нам стель-колыбель.
Казак, позабыв про свободу
(Не ту, что желает кагал),
В чужбине, чужому народу
Кует золотой капитал.
Но, совесть — великое дело!
Как бурный, тревожный трезвон,
Зовет она прямо и смело
Припомнить родимый свой Дон.
Зовет она, нежно рыдая,
К далеким Донским берегам
И шепчет, и стонет, взывая:
— Казак! Твоя Родина — там!..
И чуткое сердце казачье
Вздрыгнуло во всех казаках:
— Так жить?.. Нет! Житье то собачье
Не скрасишь вином в кабаках!..
Пора и за дело!.. — А совесть,
Как бурный, тревожный трезвон,
Все шепчет родимую повесть:
— Казак! Твоя Родина — Дон!..

Я. Лолух.
(Болгария).

* * *

Весна! Природа всюду оживает;
От зимнего покоя проснуться все спешит;
Земля наряд зеленый одевает;
Приветливей и ярче солнышко блестит.
Спеиат на дальний север вереницы
Пернатых странников из теплых стран;
Туда ж летят и журавлей станицы,
Где ширь степей — родной наш край.
Везде и всюду все кругом ликует!
В полях, в лесах весенний тихий шум гудит.
Лишь эмигрант по родине тоскует,
По ней страдает он, и плачет, и грустит.

Микола Оверкович.
(Польша).

* * *

Весь час тайти в серці тугу
Й мовчати, бачучи погром
Отчизни, зносити наругу
Чужинців, шию під ярмом
Схиляти мовчки, й терпеливо
Нести тягар свого хреста,
В той час, як топче горделиво
Твій край ворожая п'ята,
В той час, коли святі руїни
Полляті кровію братів,
І воля й слава краю гине
Під глум і регіт ворогів,
Насильство і ганьбу терпіти —
Сумне призначення раба...
А ми ж, а ми — козацькі діти!
Хіба страшна нам боротьба?
Чи ж нам коритись, і безсилим
Стогнати мовчки під ярмом?
Ні! саму смерть здобути вільним,
Ніж волочить життя рабом...

Ф. Полковников. (Загреб).

Иван Иванович Гвоздев.

Странный они человек Иван Иванович! начал дядя Митяй. И счастье было у руках, а маху дали, и катают таперича ваганету денно и ночью, а были-бы у вароше*) найпервейшая личность. А дела была очинна абнакавенна, сказал он подпихивая щепки в костер, на которм в котелке варился наш ужин.

*) варош — город.

Знаю я их, можно сказать во-каких, с ихними папашей в германскую ходил, и они тоже были Иван Иванович и были у нашем полку у есаулах. Душевной был покойник, царствие небесное, и до девок были охочь, что бы какую там пропустить — уласи Господь, этого за ними и не водилось... Как, бывало, придем у какой там фальвакер, они сейчас это и туды и сюды... и завсегда при антиресе ночевали. А из себя были